

Хуа Чжаошуй уже чутко уловил его неудовольствие и поспешил обнять его, уткнувшись лицом в плечо.

— Нет, у меня нет никаких просьб к молодому господину, я и так слушаюсь вас. Просто случайно услышал, что у моей матери нездоровится, поэтому и пришел просить.

Он поднял лицо и посмотрел на молодого господина.

— Ведь кроме молодого господина, мне больше некому пойти с просьбой.

Шэн Цзяньвэй, видя его искренность, больше не выглядел недовольным, лишь ласково погладил его по пояснице.

— Тогда молодой господин разрешает тебе отпуск. Но как ты отблагодаришь меня?

Хуа Чжаошуй тихо вздохнул.

— Я и так принадлежу молодому господину. Как ни решите, так и будет.

Шэн Цзяньвэй усадил его к себе на колени и в такой позе поднял, запрокинув голову, поцеловал его кадык.

— Тогда сначала помоги мне искупаться.

Хуа Чжаошуй весь напрягся, пассивно отвечая на поцелуй. В покоях молодого господина имелась отдельная комната с небольшим внутренним горячим источником, до которой можно было добраться по короткой деревянной галерее.

И эти несколько шагов вызвали у Хуа Чжаошуя трепет. Его одежда была широко распахнута, и он ощущал, как холодный ветер и дождик касаются тела.

Вскоре этот холод сменился поднимающимся в помещении теплым паром. Шэн Цзяньвэй плотно закрыл за собой дверь.

Ноги Хуа Чжаошуя бессильно повисли на талии молодого господина, а верхняя рубашка уже сползла наполовину, держась на локтях.

Шэн Цзяньвэй одной рукой придерживал его, прижал к двери и поцеловал. Видя, что у него уже потемнело в глазах, он улыбнулся и спросил:

— Знаешь, что будем делать сейчас?

Хуа Чжаошуй тяжело дышал, глаза у него покраснели, он кивнул.

Шэн Цзяньвэй лишь коснулся его, а Хуа Чжаошуй уже затрясся. Его в карете потрепали изрядно, а теперь, видя, что молодой господин снова берется за дело, он поспешил потянуться руками его остановить. Лицо у него раскраснелось от пара, волосы немного намокли и прилипли к щекам, голос дрогнул от мольбы:

— Молодой господин, больше нельзя.

Шэн Цзяньвэй посмотрел на него, убрал волосы с его лица.

— Правда не пускаешь?

Хуа Чжаошуй со всей мольбой в глазах кивнул.

Шэн Цзяньвэй, не рассердившись на отказ, наоборот, рассмеялся, своим поясом связал ему руки за спиной и поцеловал в щеку.

— Ты сам сказал, сегодня никто не смеет трогать.

Молодой господин опустил его в воду, он все еще висел на молодом господине, удерживаемый лишь его рукой под спиной.

Шэн Цзяньвэй прислонил его спину к стене бассейна, и Хуа Чжаошуй вдруг резко вскрикнул, тут же начал сопротивляться, а ноги, обвивавшие талию молодого господина, задергались.

Шэн Цзяньвэй вытащил его из воды, усадил на край, и не успел он опомниться, как резко перевернул, хлопнув ладонью по паху. На нежной белой коже тут же вздулось красное пятно.

Хуа Чжаошуй снова вскрикнул. Этот удар был не таким, как тот, что он получил в прошлый раз в доме Сюй. Тогда это была прелюдия, а сейчас это была чистая злость, рука опустилась тяжело. От боли Хуа Чжаошуй хотел увернуться, но молодой господин сильно прижал его голову к полу, так что лбом он уперся в холодный камень.

Он услышал голос Шэн Цзяньвэя у себя за спиной:

— Веди себя смирно, пока у меня еще осталось немного терпения. Я не люблю видеть кровь.

Хуа Чжаошуй испуганно затрясся всем телом, дрожащим голосом произнес:

— Я не буду дергаться, молодой господин, я больше не посмею.

Только тогда Шэн Цзяньвэй поднял его, усадил к себе на колени и поцеловал в влажные глаза.

— Будь послушнее, меньше страдать будешь, разве не лучше?

В горле у Хуа Чжаошуй стояли рыдания, он лишь кивал. Внезапно все его тело напряглось, но он больше не смел сопротивляться, только уткнулся лицом в грудь молодому господину.

...

Видя его покорность, Шэн Цзяньвэй поцеловал его и успокоил:

— Ничего, скоро станет легче.

Шэн Цзяньвэй на самом деле был человеком совершенно нетерпеливым, но, видя его непохожие на другие реакции, наоборот, заинтересовался и стал намеренно дразнить его, желая услышать его стоны подольше.

Хуа Чжаошуй довели до того, что он невольно стал тереться о молодого господина.

...

Шэн Цзяньвэй вернул его в воду. Возможно, горячая вода помогла ему расслабиться, и он наконец пришел в себя.

Он лишь перевел дух, как снова начал сопротивляться, спина болела от давления на стену

бассейна.

...

На следующий день прислуживающие снаружи, получив приказ, не осмелились прийти слишком рано, уже когда солнце было высоко, молодой господин позвал людей подать чай.

Служанка вошла в комнату и увидела, что пологи не раздвинуты, внутри еще было темно.

Голос молодого господина донесся изнутри:

— Неси сюда.

Служанка поспешила подойти, и в тот короткий момент, когда молодой господин приподнял полог, она увидела руку человека за его спиной. Света было мало, но сине-фиолетовые следы на руке были слишком явными, невольно бросились в глаза.

Молодой господин, казалось, был в хорошем расположении духа, все еще уговаривал:

— Выпей глоток, не велю открывать глаза, я подержу. Ты так плачешь, а воды не пьешь? Быстро, открой рот.

Человек внутри явно еще не проснулся, казалось, искал рукой, где чайник. Полог качнулся, молодой господин поправил положение.

— Куда ищешь? Тут. Молодец.

Слышалось, будто он кормит домашнее животное. Но, к счастью, настроение у него действительно было хорошее, иначе где бы этому молодому господину хватило терпения столько времени уговаривать.

Эту чашку воды уговаривали выпить довольно долго. Служанка, забирая чайник, не смела смотреть много, только спросила:

— Молодой господин, чай будете?

Молодой господин отодвинул полог, посмотрел на нее, казалось, хотел что-то сказать, но потом оглянулся назад и с улыбкой спросил:

— Еще будешь?

Человек внутри, казалось, с раздражением мотнул головой, перевернулся к нему спиной и собрался спать дальше.

Молодой господин не рассердился, лишь сказал:

— Иди, больше не надо.

Служанка поспешила выйти и услышала голос молодого господина сквозь занавес:

— Повернись, спи тут.

Хуа Чжаошуй не знал, сколько он проспал, смутно помнил только, как его один раз поили водой. Когда снова очнулся, его все так же крепко обнимали. Он тихо полежал немного, затем

сменил тактику, чтобы разбудить молодого господина — намеренно потерся о него, рукой обхватил его талию.

Едва он подвигался, тот сразу проснулся, потрогал его волосы.

— Проснулся?

Хуа Чжаошуй промычал в ответ, хотел руку отдернуть, но запястье перехватили. Молодой господин спросил:

— Еще болит?

Хуа Чжаошуй головой повел, голос тихий:

— Сейчас мне кажется, везде болит.

Наверное, получив желаемое, Шэн Цзяньвэй сейчас выглядел и терпеливым, и добрым. Погладил его по пояснице, спросил:

— Тут болит?

Хуа Чжаошуй погладило щекотно, он невольно дернулся, но, побоявшись, как бы молодой господин утром снова не начал искать проблем, потянулся к его руке.

— Молодой господин, который сейчас час? Я очень голоден.

Шэн Цзяньвэй усмехнулся.

— Сразу время обеда подойдет. Голоден — вставай, прикажу тебе еды принести.

С этими словами сам накинул одежду и встал. Хуа Чжаошуй глядел, как он собирается и выходит, только тогда осмелился сесть.

Но как только пошевелился, почувствовал, что и кости болят, и плоть. С трудом оделся, сердце было полно уныния, он подумал: в этот раз чувствовал, что полжизни лишился, а если всегда так будешь рядом с молодым господином, то, наверное, недолго проживешь.

Через долгое время Шэн Цзяньвэй вошел снаружи, за ним шли прислуживающие с блюдами. Сразу увидел, что он очень бездуховно лежит на кровати, неподвижно. Когда все вышли, Шэн Цзяньвэй подошел, вдруг взял его на руки, глядя на его растерянный вид, рассмеялся:

— Что это с тобой? Неужели снова сонный?

Хуа Чжаошуй вцепился ему в руку, щеки покраснели, услышав вопрос, очень стыдясь, спрятал лицо у него в груди, глухо сказал:

— Нет...

— А что это тогда?

Шэн Цзяньвэй, говоря это, отнес его к столу, как раз собирался поставить, но тот крепко обнял его за шею, как ни хотел отпустить.

— Молодой господин, — щеки Хуа Чжаошуя покраснели еще сильнее, он нервно произнес, —

вы вчера слишком сильно приложились, мне больно.

Шэн Цзяньвэй сразу понял, не выдержал и рассмеялся.

— Такой бедняжка, еще можешь ходить?

— Могу-то могу... — голос Хуа Чжаошуня становился все ниже, от стыда все тело напряглось, — но нормально ходить не получается.

Шэн Цзяньвэй усадил его к себе на колени и начал кормить кашей, намеренно сказал:

— Что же делать? Ты же хотел домой. Как теперь домой доберешься?

<http://bllate.org/book/16756/1562878>